стремленье впередъ. Четырехъ лѣтъ Дузэ играла Козетту въ «Отверженныхъ» Гюго, двѣнадцати была вынуждена произносить страстныя реплики въ пьесѣ Сильвіо Пеллико «Франческа да Римини», четырнадцати лѣтъ она — примадонна кочующей труппы, шекспировская Джульетта на открытой аренѣ театра въ Веронѣ.

Медленно, шагъ за шагомъ завоевывая свое право на міровое имя, Элеонора Дузэ въ 1891 году выступила въ петербургскомъ Маломъ театрѣ въ роли «Дамы съ камеліями», — и сразу завоевала русскихъ, почти ничего о ней не знавшихъ; въ томъ же году — Москва и русская провинція, возвратъ въ Россію и на слѣдующій годъ. Въ Вѣнѣ ее уже ждала слава, вслѣдъ за тѣмъ не оставлявшая ее до смерти. Бывшая кочующая балаганная актриса теперь не только принимается въ королевскихъ дворцахъ, но и отказываетъ въ пріемѣ королямъ, пытающимся посѣтить ея уборную (за что была выслана изъ Штутгарта). Ея личные дру-

Это было передъ Пасхой, и на второй день Пасхи Элеонора Дузэ, повторяя въ бреду, что «нужно ѣхать, нужно скорѣе дѣйствовать», оставила этотъ міръ.

Книга Ольги Синьорелли — лѣтопись жизни Дузэ, написанная любовно по документамъ, письмамъ и личнымъ воспоминаніямъ, украшенная множествомъ портретовъ артистки въ разныхъ роляхъ, книга достойная памяти этой замѣчательной женщины. Тѣмъ, кто видалъ Дузэ на сценѣ, она напомнитъ часы очарованія; остальные прочтутъ книгу, какъ полный интереса романъ, въ которомъ дѣвочка изъ бродячей труппы актеровъ силой необычайнаго таланта завоевываетъ міръ, — и держитъ его въ плѣну уже старой, сѣдой и больной женщины. Въ ея жизни все необыкновенно, какъ необыкновенна была она сама *).

Мих. Осоргинъ

*) Olga Resnevic-Signorelli. — Eleonora Duse. — Angelo Signorelli — Editore, Roma, 1938.

Хроника иностранной литературы

— Въ переводѣ съ англійскаго вышла книга политическаго редактора «Таймсъ», Дугласа Рида: **«Ярмарка безумія»**. Это нѣчто вродѣ репортажа о политическомъ положеніи нашего времени.

— Въ издательствѣ Пайо **вышла книга Грэхама Хаттона: «Дунай»**; авторъ разсказываетъ о положеніи, въ которомъ очутилась въ настоящее время страны, омываемыя Дунаемъ.

— Съ большой похвалой отзывается критика о послѣднемъ романѣ Рони - младшаго: «Аптека де Прэ». Въ романѣ выведены: аптекарь Пашъ, профессоръ Сорбонны Витрювъ, артистка Одеона Кларисса и множество другихъ. Авторъ предупреждаетъ, что не имѣлъ въ виду никого лично, но при чтеніи кажется, что типы списаны именно съ живыхъ лицъ.

— Фирма Геррапа выпускаетъ въ двухъ томахъ знаменитый **Дневникъ губернатора Морриса** о французской революціи. Моррисъ прибылъ во Францію изъ Америки въ февралѣ 1789 года, а въ 1792 году сталъ американскимъ посломъ при французскомъ дворѣ. Его дневникъ, ни разу не напечатанный полностью, начинается съ 1789 года и кончается казнью Людовика XVI.

— Въ Англіи важнѣйшимъ литературнымъ событіемъ этой недѣли является **новый романъ Джэмса Джойса**, автора запрещеннаго въ англо - американскихъ странахъ произведенія «Улиссъ». Новый романъ называется: «Финнегансъ Уэкъ».

Вечеръ Б. К. Зайцева

9 іюня, въ залѣ Русской консерваторіи (26, авеню де Токіо), состоится литературный вечеръ Б. К. Зайцева.

Книги для отзыва

Получены для отзыва въ редакціи «Посл. Новостей» слѣдующія книги:

Отъ книжнаго магазина и издательства «Домъ книги» въ Парижѣ:

«Ворошиловградъ - Сталинградъ». Путеводитель по слѣдамъ гражданской войны, съ илл. и картами. Воениздатъ. 1939.

«Былины старины» съ иллюстраціями Полешанъ въ краскахъ. М. 1939.

Тарасъ Шевченко — «Кобзарь». Юбилейное изд. съ иллюстр. Москва. 1939.

литературы.

Г. А.

„Русскія Записки"

Въ ближайшіе дни поступаетъ въ продажу **майская книжка** (№ 17) ежемѣсячнаго журнала «Русскія Записки». Въ книжкѣ помѣщено: **Б. Зайцевъ**: Гофмейстеръ (разсказъ). — **Вад Андреевъ**: Художникъ Ершовъ (разсказъ). — **В. Яновскій: Портативное безсмертіе** (окончаніе). — **Стихотворенія: Г. Евангулова, Вл. Піотровскаго, С. Прегель, П. Ставрова. — Ал Бенуа: «Павильонъ Армиды»** (Воспоминанія о балетѣ). — **П. Милюковъ**: Роковые годы. — Положеніе въ началѣ 1906 года. — Настроенія партіи передъ выборами. — Партія к.-д. на второмъ съѣздѣ. — Неожиданный успѣхъ на выборахъ. — Третій съѣздъ к.-д. — «Холодный расчетъ» и горячія настроенія. Для разъѣзда — **«Основные законы»**. — **М. Ростовцевъ**: Эллинскій міръ и вѣра въ загробную жизнь. — **Л. Торопецкій: Отъ** диктатуры партіи къ единодержавію. — **Полк. Н. Ивановъ: Что и какъ должно быть подготовлено въ каждомъ домѣ на случай внезапнаго воздушнаго нападенія? — Л.** Немановъ: Сербо-Хорватская проблема. — **П. М.**: Драма русскаго генія. — **Хроника** — Международный обзоръ: «Разстановка фигуръ». — Перечень важнѣйшихъ событій за апрѣль. — **П. Бицилли**: По поводу писемъ Н. Герценъ. — **Библіографія.** — **С. Осокинъ** о стихахъ Туровѣрова, Халиндрова, Ачаира, и Жемчужнаго. — **В. В.: Hilaire Belloc**, «Pour mieux comprendre l'Angleterre contemporaine». — **Е. Юрьевскій**: Финансы и кредитъ СССР. — **М. В.: Albert Grzesinski «Inside Germany».** — **П. Бицилли: Opinion publique américaine et la France. — А. Шыровъ: The coming struggle for Latin America. — Н. П. В.: Alexandre Barmine «Vingt ans au service de l'URSS». — М Вишнякъ: «Еврейскій міръ». Ежегодникъ** на 1939 годъ.

Цѣна номера во Франціи — 18 фр., заграницей — 80 цент. Для подписчиковъ «Посл. Новостей» во Франціи — 12 фр., съ пересылкой — 13 фр. 50 сант.; заграницей — 60 цент. съ пересылкой. **Адресъ редакціи и конторы: «Annales Russes», 51, rue de Turbigo, Paris (3°).**

Премія Пулитцера

Нью-Іоркъ, 3 мая.

Комиссія колумбійскаго университета вчера присудила преміи Пулитцера.

Премія за лучшее драматическое произведеніе присуждена Роберту Шервуду: «Линкольнъ въ Иллинойсѣ». Премію за романъ получила Марджори Киннанъ Роулингсъ: «Погодокъ». Карлъ Ванъ Доренъ — за біографію Веніамина Франклина. Джонъ Гульдъ Флетчеръ получилъ премію за сборникъ своихъ стихотвореній, а Франкъ Лютеръ Моттъ — за историческій трудъ: «Исторія американскихъ журналовъ». Флоридская газета «Дэйли Ньюсъ» получила золотую медаль за лучшее обслуживаніе публики.

„Театръ и танецъ"

Вышелъ въ свѣтъ 1-ый номеръ новаго ежемѣсячника (на французскомъ языкѣ) — «Театръ и Танецъ», подъ редакціей Жана д-Ильберта и Анри Шампли. Въ номерѣ статьи: И. Стравинскаго, С. Лифаря, Ж. д-Ильберта, Б. Даева, Вернера, Шуфтана и друг.

Рихардъ Вагнеръ

Въ архивѣ одного изъ французскихъ журналовъ Гюставъ Самазейль нашелъ рукописный отвѣтъ Вагнера на анкету о будущности оперы.

Интересно опредѣленіе, которое онъ параллельно даетъ германскому и французскому характеру:

— Нѣмецъ любитъ мечтательное дѣйствіе («l'action qui rêve»). Французъ — дѣйственную мечту («le rêve qui agit»).

будто бы оскорблявшемъ нашъ добрый національный вкусъ...».

— Если что нибудь спасло Русскій балетъ,

препятствій къ восхваленію Мейерхольда больше не осталось.

Сизифъ.

„Литературныя игры"

Сборникъ занятный и интересный.

Выйди такая книга въ Западной Европѣ, она, вѣроятно, дальше школъ и школьныхъ кружковъ не пошла бы. Но въ Россіи сейчасъ столько людей, впервые съ литературой столкнувшихся, въ Россіи такъ велика жадность къ знанію и просвѣщенію, что книга, посвященная «литературнымъ играмъ», получила большое распространеніе.

Что это за игры? Составитель сборника Мануйловъ использовалъ, кажется, всѣ возможности сочетать пріятное съ полезнымъ и забаву съ пользой. Началъ онъ со скороговорокъ, съ варіацией на старую тему игры въ «телефонъ», съ упражненій въ придумываніи синонимовъ, а затѣмъ перешелъ къ играмъ болѣе сложнымъ и оригинальнымъ. У всѣхъ одна цѣль — укрѣпить и расширить литературныя знанія.

Отгадываніе стиховъ по рифмамъ, шарады, состязанія на подборъ классическихъ цитатъ, включающихъ опредѣленное слово, состязаніе въ «дописываніи» извѣстнѣйшихъ литературныхъ произведеній — все это, должно быть, не плохо разсѣиваетъ скуку въ какихъ-нибудь клубахъ и красныхъ уголкахъ, да и у насъ, здѣсь, иногда кажется занимательнымъ.

Отдѣлъ, названный «Викторина» — совѣтское слово, означающее «культурное соревнованіе» — напоминаетъ то, что въ нашей газетѣ ежедневно помѣщается подъ заголовкомъ «Знаете-ли вы?».

Вопросы разсчитаны на разные возрасты. Однако, и въ первомъ отдѣлѣ «Для дѣтей» попадаются вопросы такіе, которые поставятъ втупикъ образованнаго читателя.

Напримѣръ:

— Въ какомъ произведеніи есть астрономъ, не занимающійся астрономіей?

Мало кто помнитъ, конечно, что въ «Хорѣ и Калинычѣ» у Тургенева собаку зовутъ Астрономомъ.

Дальше — вопросы совсѣмъ каверзные:

— Кто, — напримѣръ, — изъ пушкинскихъ героевъ отвѣтилъ въ рѣшительную минуту словами піонерскаго лозунга?

А вѣдь это Онѣгинъ, не кто другой, получивъ письмо Ленскаго:

Оборотясь, безъ лишнихъ словъ,
Сказалъ, что онъ всегда готовъ!

— Какія воспоминанія вызвалъ у Льва Толстого репейникъ?

— Какой общій герой у Пушкина и у Шиллера?

— Какой русскій поэтъ былъ мудръ, но не имѣлъ своей головы, былъ остроуменъ, но не могъ улыбнуться, былъ жизнерадостенъ, но никогда не жилъ?

Отвѣтовъ не дадимъ. Посмотримъ, сразу ли отвѣтятъ русскіе читатели-эмигранты на вопросы, обращенные къ совѣтской молодежи.

А.

HOTEL
Napoleon Bonaparte
38, av. Friedland. PARIS.
Въ лучшей части Парижа. 200 комнатъ, всѣ съ ванной и съ телеф. (отъ 70 фр.).
Залы для вечеровъ, собраній, обѣдовъ.
Телегр. адр.: Otenapol, Paris 42.
tél. Carnot 74-20.
ПЕРВОКЛАССНЫЙ РЕСТОРАНЪ
LE BIVOUAC
Французская и русская кухня.
24-го іюня открытіе
HOTEL LATITUDE 43
въ St-Tropez (Ривьера).
Всѣ виды развлеченій и спорта.
Справки по телеф. Ely 57-80.

Литературныя замѣтки

И. А. БУНИНЪ. — «ЛИКА»

Книга прочитана, на столѣ лежитъ листъ бумаги, въ рукѣ — перо... Нужна статья, какъ о всякой другой книгѣ. «Авторъ мастерски обрисовалъ такіе-то типы», «что же касается природы, то кто же не знаетъ, какими чудесными, яркими ея картинами украшаетъ онъ свои произведенія». Или что-нибудь въ этомъ родѣ. Нужно разсказать содержаніе, дать характеристику героевъ повѣствованія, отмѣтить его достоинства или особенности, и передать общее впечатлѣніе. Каково это впечатлѣніе? На титульномъ листѣ указано, что это «Жизнь Арсеньева», вторая часть. Можно было бы слово «Арсеньева» зачеркнуть, оставивъ только «жизнь». Впечатлѣніе только этимъ словомъ и удалось бы выразить. Оттого статью объ этой книгѣ трудно начать, и привычно подвертывающіяся выраженія оказываются тутъ не совсѣмъ подходящими.

Конечно, между жизнью и литературой, между жизнью и искусствомъ—пропасть, и всѣ разговоры о жизненномъ творчествѣ условны: рѣчь только о матеріалѣ, который беретъ художникъ, и глубже, объ источникахъ его одушевленія. Бываютъ писатели, какъ бы настолько дружные съ міромъ, настолько согласные съ его основнымъ строемъ, что, нравится или не нравится имъ обстановка ихъ личнаго существованія, они ищутъ не избавленія отъ него, а объясненія ему и его несовершенству; и есть другіе, всегда склонные къ упрекамъ и недовольству. Бунинъ принадлежитъ къ художникомъ перваго, толстовски-гетевскаго склада, и нигдѣ, кажется, это не чувствовалось съ такой силой, какъ въ «Ликѣ». Исторія, разсказанная въ ней, печальна. Она, скорѣе, должна бы настроить на мысли о бренности, о шаткости всего земного, чѣмъ вызвать спокойствіе и радостную бодрость. Но, независимо отъ фабулы, порой даже вопреки ей, въ книгѣ столько восхищенія бытіемъ, признательности за него, какой то неутолимой жадности къ нему, что и поддаться ея духу невозможно. Лика умерла, люди, съ которыми встрѣчался юный Арсеньевъ, исчезли, но «не говори съ тоской: ихъ нѣтъ, а съ благодарностію: были». Прелесть бунинскаго творчества, особенно поздняго, теперешняго, въ томъ, что оно вовсе не слѣпо-восторженно, а какъ будто соединяетъ восторгъ съ горечью, съ сознаніемъ всего жестокаго и страшнаго, входящаго въ ткань жизни, и что въ его «финальномъ аккордѣ» слышны какіе-то, дребезжащіе, смущающіе, очень человѣческіе отзвуки, не поддающіеся полному преодолѣнію. Творчество противорѣчиво, и, говоря простымъ словомъ, душераздирательно; ему подошелъ бы, въ качествѣ эпиграфа, саро-бернаровскій девизъ «quand même!». Въ немъ ничего нѣтъ демонстративно-умнаго. Но умъ найдетъ въ немъ несравненную пищу для размышленія и какіе-то толчки, побуждающіе его къ работѣ.

«Лика» — повѣсть о страстномъ стремленіи къ любви и о невозможности одной любовью, только любовью, удовлетвориться. Въ этомъ смыслѣ книга эта очень мужская, родственная тому, что отражено въ размолвкѣ Вронскаго съ Анной Карениной: Вронскій, вѣдь, любитъ Анну, а заставляетъ ее страдать только потому, что для него жизнь не исчерпывается любовью, какъ хотѣла бы Анна. У Бунина Арсеньевъ передъ Ликой виноватъ, пожалуй, больше. Арсеньевъ эгоистиченъ и мало внимателенъ къ любящей его женщинѣ, и кое въ чемъ ея обида основательна. Лика не случайно въ прощальномъ письмѣ желаетъ ему быть счастливымъ «въ новой, уже совсѣмъ свободной жизни». Она чувствуетъ, что свобода ему нужна, по меньшей мѣрѣ, такъ же, какъ ея любовь, и сколько бы ни горевалъ онъ послѣ ея ухода, натуры своей ему не измѣнить. Ей, Ликѣ, нуженъ онъ, — и больше ничего. Ему, Арсеньеву, нужна она, — и что-то еще.

Арсеньевъ бываетъ съ Ликой суховатъ. Въ ихъ діалогахъ, правда, лишь изрѣдка попадаются фразы, дающія этому подтвержденіе, и, въ концѣ концовъ, это лишь мелочи, объяснимыя случайнымъ раздраженіемъ. То онъ назоветъ пошлостью ея желаніе изобразить на костюмированномъ балу ночь — «черная маска и что-нибудь черное, легкое, длинное». То безъ поводовъ вспылитъ. Но догадываемся мы о его двоящихся чувствахъ къ ней не по этому. Подлинно-любящій человѣкъ видитъ, конечно, недостатки и слабости любимаго существа; однако, для него это не недостатки, а достоинства, не слабость, а прелесть. Носъ чуть-чуть коротокъ, но она еще лучше оттого, что у нея короткій носъ; въ мысляхъ безпорядокъ, но обворожительный, божественный безпорядокъ... Это — азы, прописи любви!.. Въ запискахъ Арсеньева Лика не умна, и онъ ничѣмъ не старается этого скрасить. Вотъ, напримѣръ, Арсеньевъ разсказываетъ, какъ при немъ рубили березу. «Я говорилъ, какъ несказанно жаль было мнѣ эту раскидистую березу, сверху донизу осыпанную мелкой ржавой листвой, когда мужики косолапо и грубо обошли, оглядѣли ее кругомъ, и потомъ, поплевавъ въ рубчатыя, звѣриныя ладони, взялись за топоры и дружно ударили въ ея пестрый отъ бѣлизны черный стволъ.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ страшно мокро было все! Какъ все блестѣло и переливалось! —

говорилъ я, и кончилъ признаніемъ, что хочу написать объ этомъ разсказъ. Она пожала плечами:

— Ну, миленькій, о чемъ же тутъ писать? Что же все погоду описывать!»...

Его умиленіе передъ ней обостряется только тогда, когда вмѣшивается чувственность. Арсеньева трогаетъ, напримѣръ, что вечеромъ, безъ каблуковъ, заплетя косу, и подходя къ нему поцѣловаться на прощанье, она оказывается гораздо ниже его ростомъ и смотритъ снизу вверхъ. Но едва Лика принимается говорить и разсуждать, очарованіе разсѣивается.

Слишкомъ смѣло, можетъ быть, наперекоръ автору, — въ данномъ случаѣ, правда, не Бунину, а Арсеньеву, — отрицать то, что онъ утверждаетъ. Но все въ «Ликѣ» наводитъ на мысль, что эта любовь двадцатилѣтняго мальчика есть томленіе о женщинѣ вообще, безотчетное, безымянное, и что она могла бы быть обращена къ другой. Въ этомъ, между прочимъ, одно изъ свидѣтельствъ глубокой правдивости бунинскаго замысла. Люди часто забываютъ, до чего случайна ихъ любовь вообще, и какъ ничтоженъ, какъ невѣроятенъ шансъ встрѣтить кого-то, «предназначеннаго судьбой». Всѣ слова о такихъ встрѣчахъ — обольщеніе!.. Въ одной Европѣ нѣсколько сотъ милліоновъ населенія, а каждый изъ насъ встрѣчаетъ на своемъ вѣку крошечную долю его, и почему-то именно въ этой долѣ должна оказаться душа, какъ въ платоновскомъ миѳѣ, рвущаяся къ моей душѣ! Если даже и существуетъ такая душа, у меня не больше надеждъ встрѣтиться съ ней, чѣмъ выиграть пять милліоновъ въ національную лотерею. Она не найдетъ меня, я не найду ея. Но стремленіе къ вѣрѣ въ такія встрѣчи настолько сильно, что болѣе или менѣе правдоподобный случай разрастается въ нашемъ воображеніи до «безсмертной любви», безъ которой жизнь кажется безсмыслицей. Въ дѣйствительности же, другой случай могъ бы замѣнить первый, — хоть сердце, возмущенное такимъ предположеніемъ, и готово до безконечности спорить съ разумомъ, сознающимъ истину.

Противорѣчіе это въ «Ликѣ» разительно, и оно-то и придаетъ повѣсти ея «пронзительный», ея «щемящій» привкусъ. Мнѣ случилось слышать сравненіе ея съ «Митиной любовью», сравненіе, лишь подчеркивающее разницу въ темахъ обѣихъ книгъ, при нѣкоторомъ внѣшнемъ сходствѣ ихъ. Не знаю, какая вещь лучше, какая хуже, да и наивно было бы дѣлать такія, чисто эстетическія оцѣнки! Ясно только, что въ «Митиной любви» страсть, дѣйствительно, безысходна, — у Гамсуна гдѣ-то сказано: «такой любовью Богъ иногда караетъ людей», — и, какъ бы ни была ничтожна Катя, для Мити невозможна и мысль о ея замѣнѣ. Тамъ любовь прямо, можно даже сказать логически, приводитъ къ смерти, а предшествующій смерти эпизодъ съ деревенской бабой не только этой логики не нарушаетъ, но еще сильнѣе укрѣпляетъ ее (вопреки мнѣнію З. Н. Гиппіусъ, когда-то этимъ эпизодомъ возмутившейся и доказывавшей, со ссылками на Владимира Соловьева, его невозможность) Митя съ отчаянія поддается уговорамъ старосты, или, можетъ быть, отъ безразличья ко всему на свѣтѣ, кромѣ Кати. Эпизодъ съ напоминающей «толстовкой» въ «Ликѣ», строки о прислугѣ-казачкѣ «съ точеными щиколотками», совсѣмъ иного рода, и никакой безнадежностью не внушены. Наоборотъ, въ нихъ все то же, характерное для Арсеньева, влеченіе ко всему міру, ко всѣмъ женщинамъ, и способность найти не прочное, не долгое счастье всюду. Еще, можетъ быть, показательнѣе образъ Авиловой, скромный, дѣловито-семейный, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смущающій скрытой, не реализованной своей любовностью.

Арсеньевъ знакомится съ Ликой въ Орлѣ, переѣзжаетъ съ ней въ Малороссію, и, одержимый «охотой къ перемѣнѣ мѣстъ», безпричинно и безцѣльно скитается по Россіи, отъ Крыма до Петербурга. Въ запискахъ его не меньшее значеніе имѣютъ эти скитанія, чѣмъ любовь; или, вѣрнѣе, одно съ другимъ сливается въ цѣлое, гдѣ составныхъ элементовъ не различить. Это, вообще, одна изъ особенностей Бунина: у него нѣтъ типовъ, самодовлѣющихъ описаній, самостоятельно живущихъ сценъ. У него все сплетено, и это-то я имѣлъ въ виду, говоря, въ началѣ статьи, о «жизни». Арсеньевъ самъ пишетъ, вспоминая, что Лика находила у Фета «слишкомъ много описаній природы».

«— Я негодовалъ: описаній! — и пускался доказывать, что нѣтъ никакой отдѣльной отъ насъ природы, что каждое малѣйшее движеніе воздуха есть движеніе нашей собственной жизни».

Это сказано явно pro domo, отчасти въ отвѣтъ критикамъ, вѣроятно, порядочно Бунину надоѣвшимъ своими комплиментами его умѣнію «описывать природу». Описывать! Онъ пишетъ о «глубоко-зимнемъ ударѣ колокола на сосѣдней колокольнѣ», о «дремотныхъ хлопьяхъ великопостнаго снѣга», и «шелковисто-горячемъ шумѣ сада», и это вовсе не литературное баловство, наподобіе горьковскаго «море смѣялось»; это естественный результатъ ощущенія, все, что проникнуто одинаковой, одной и той же жизнью, что человѣкъ и природа нераздѣлимы, и, какъ въ бодлеровскомъ сонетѣ, цвѣта, запахи и звуки отвѣчаютъ другъ другу.

Арсеньевъ путешествуетъ по Россіи. [illegible] то онъ видитъ въ своихъ [illegible] лхъ, передано не «хорошо» или «удачно»; это передано волшебно. Дѣло не въ стилѣ, не въ блестяще подобранныхъ эпитетахъ, а въ какомъ-то такомъ погруженіи въ раскрывающійся передъ нами міръ, которое неожиданно придаетъ безупречному реализму сказочныя, призрачныя черты. Пріѣздъ въ Витебскъ — волшебенъ, нельзя иначе сказать: волшебны эти молодые евреи, тихо гуляющіе по снѣжнымъ улицамъ, и дальше костелъ съ сумрачнымъ многоцвѣтнымъ окномъ. Не легко было бы объяснить, почему, но, если кто-нибудь скажетъ, что это «описанія», слѣдовало бы возмутиться, какъ возмутился Арсеньевъ на слова Лики!..

А страница о Полоцкѣ, съ противопоставленіемъ двухъ его обликовъ, выдуманнаго и дѣйствительнаго! Кстати, для меня эта страница была своего рода ключомъ къ одной изъ сторонъ бунинскаго творчества, къ его чувству древней Руси. Давно, кажется, еще до войны, напечаталъ онъ въ одномъ изъ своихъ сборниковъ длинные стихи о князѣ Всеславѣ, стихи, поразившіе меня чѣмъ-то непостижимо русскимъ, безъ фальши, безъ коньковъ и пѣтушковъ, унылымъ, широкимъ, возстанавливающимъ исторію, какъ сонъ:

Что теперь дорогами глухими,
Воровскими, въ Полоцкъ убѣжавъ,
Что теперь, вдали отъ міра, въ схимѣ,
Вспоминаетъ темный князь Всеславъ?

Только звонъ твой утренній, Софія,
Голосъ твой серебряный! Долга
Ночь зимою въ Полоцкѣ. Другія
Избы въ немъ, и церкви, и снѣга.

Вотъ, снова у него тотъ же Полоцкъ, тѣ же избы, снѣга и церкви, и опять слова звучатъ такъ, будто рука въ задумчивости перебираетъ струны. Читаешь въ Парижѣ, съ трудомъ отрываясь отъ властно всѣхъ захватившихъ теперешнихъ тревогъ и заботъ, и вдругъ ловишь себя на томъ, что все забыто и остается только «какой-то темный, дикій, зимній день, какой-то бревенчатый Кремль, съ деревянными церквами и черными избами, снѣжные сугробы, истоптанные конными и пѣшими въ [illegible] и лаптяхъ». Въ этой книгѣ нѣтъ раздѣленія между «поэзіей» и «правдой»: въ ней одно становится другимъ.

Георгій Адамовичъ.